

Александръ Ламанскому

И. Лаппо.

Земле

не сохранила памяти

от И. Лаппо.

ПОХИЩЕНІЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ

ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО

въ 1581 году.

(Отдѣльный оттискъ изъ Сборника статей въ честь В. И. Ламанскаго).

— — — — —
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лнц., № 12.

1906.

И. Лаппо.

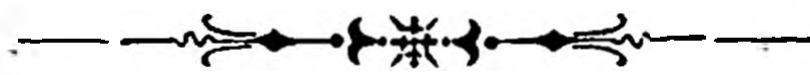
ПОХИЩЕНІЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ

ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО

въ 1581 году.

(Отдѣльный оттискъ изъ Сборника статей въ честь В. И. Ламанскаго).

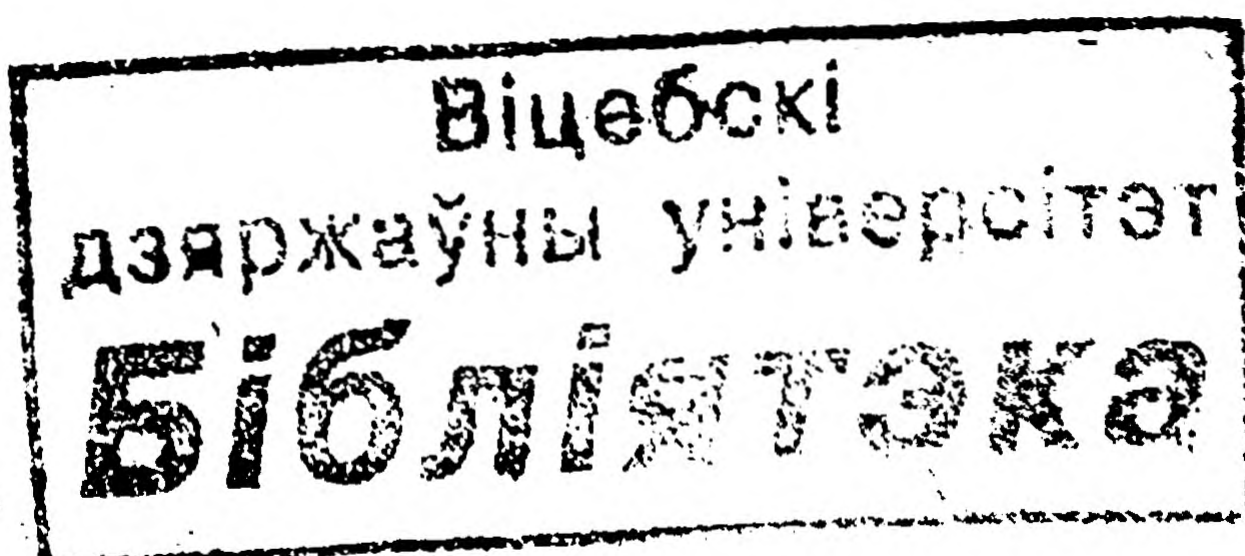
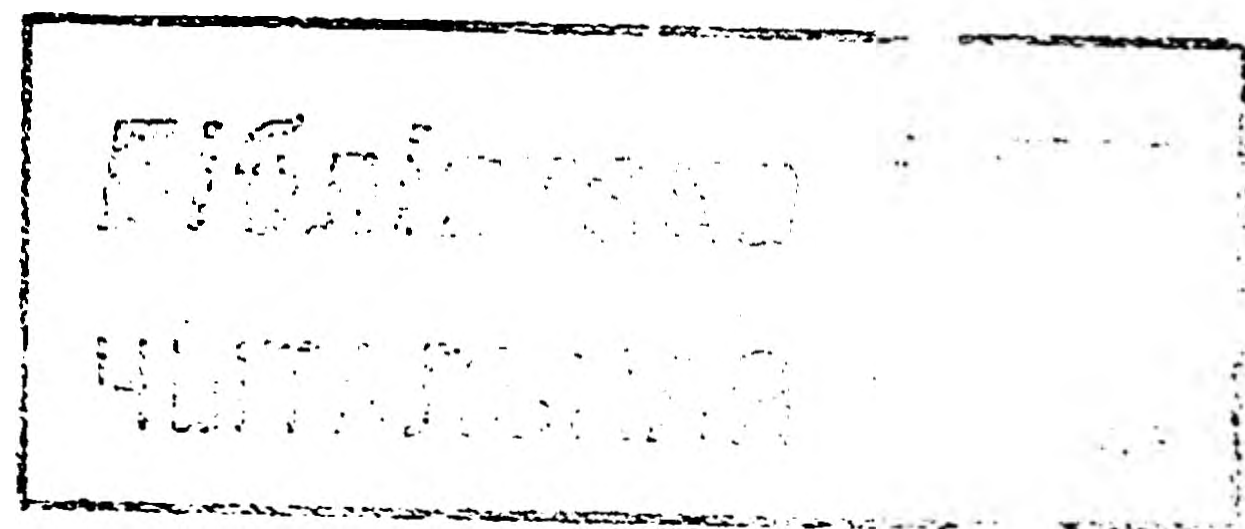

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1906.

459714

9(СЗ)

63,3 (АБЕИ) 4 ю 23

124

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1906 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

Похищеніе государственной печати великаго княжества Литовскаго въ 1581 году.

Хорошо извѣстно, какое крупное значеніе имѣла въ жизни общества прошлыхъ столѣтій печать, какъ удостовѣреніе происхожденія документа. Несомнѣнно, что ея значеніе въ наши дни много меньше: то, что теперь утверждаетъ и скрѣпляетъ одна подпись, въ болѣе раннее время необходимо утверждалось и скрѣплялось лишь подписью вмѣстѣ съ приложеніемъ печати. Значеніе печати очень хорошо обрисовывается Литовско-Русскими документами XVI столѣтія. Они сохранили цѣлый рядъ любопытныхъ данныхъ для изученія взгляда правительства и общества великаго княжества Литовскаго на силу и неприкосновенность печати простого шляхтича, вельможнаго пана, должностного лица и, наконецъ, государственной Княжества.

XVI вѣкъ въ Литовско-Русскомъ великомъ княжествѣ не могъ похвалиться всеобщею грамотностью, даже грамотностью шляхетства¹⁾. При неумѣніи писать, печать была единственнымъ средствомъ утвержденія документа лицомъ, его выдающимъ. Пожалованіе шляхетскаго достоинства сопровождается пожалованіемъ новому шляхтичу и герба. Этотъ гербъ не только внѣш-

1) *И. И. Лаппо*. Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія (1569 — 1586). Опытъ изслѣдованія политическаго и общественнаго строя. Томъ первый. СПб. 1901. Стр. 503.

ній знакъ «благородства»: онъ будетъ служить шляхтичу, когда ему придется утверждать свои документы и акты¹⁾. Понятна, поэтому, забота каждого обладателя печати о ея сохранности и цѣлости. Сигнетъ, какъ перстень-печать, отличается языкомъ источниковъ отъ перстней простыхъ²⁾, и онъ подлежитъ особой заботѣ своего владѣльца. Акты хорошо знаютъ, какъ боятся владѣльцы именныхъ перстней возможности поддѣлки документовъ злонамѣренными людьми, если послѣднимъ какъ-либо удалось захватить такой перстень въ свои руки. Такъ, когда у Упитскаго земянина Каспра Ромашкевича сорвалъ Упитскій же земянинъ Павелъ Яновичъ Виржовичъ мѣшокъ съ печатами (его собственной и его жены), Ромашкевичъ, вернувъ отъ похитителя лишь одну изъ нихъ (женину), заявляетъ гродскому Упитскому суду свое опасеніе — «нетъ ведома, если же не печатывалъ чого тымъ сыгнетомъ ку перешкоде его»³⁾. Утрата печати вызываетъ заявленіе ея владѣльца передъ повѣтовымъ урядомъ, или въ королевской канцеляріи⁴⁾.

1) Такъ, Андрей Волянъ, получившій вмѣстѣ со своимъ братомъ шляхетство (*nobilitas*) по королевскому привилею, данному въ Люблинѣ 6 февраля 1569 года, былъ надѣленъ и гербомъ. Привилей такъ говоритъ о пользованіи этимъ гербомъ обоими Воланами (Андреемъ и Яковомъ): *cuius quidem stemmatis ille cum fratre praedicto ac omni posteritate sua non modo in angulis gestandi, ac eo litteras et quaevis munimenta obsignandi, verum etiam in auro et argento sculpendi et in locis priuatis ac publicis depingendi secundum exigentiam rei et temporum plenam omnibus temporibus habebit potestatem*. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 60 об. (документъ находится на листахъ 59 об. — 60 об.)

2) Напр., «сикгнить золотый, у которомъ дей было дванадцать золотыхъ чирвоныхъ, а перстенокъ золотый с каменемъ туркусомъ . . . » А. Вил. XXII. № 143 (1559 г.).

3) А. Вил. XXVI. № 489 (1586 г.).

4) Примѣромъ заявленія о потерѣ печати для внесенія въ канцелярейскія книги можетъ служить заявленіе господарскаго дворянина пана Семена Хребтовича Богуринскаго, сдѣланное 17 мая 1569 года: « . . . згубилъ дей есми торбу с печатю моею, которою мѣ дей звыклъ листы свои печатovati, и два листы, которыи дей мелъ от жыдов на заставу свою . . . » Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{51}$ л. 189.

Самые документы различных актов и сделок давались за скрѣпою печати, и подпись лица играетъ лишь второстепенную по сравненію съ нею роль, иногда даже вовсе отсутствуя на документѣ. Такъ, напримѣръ, актъ о мѣнѣ земель, заключенный старостичемъ Жомойтскимъ Войтехомъ Юрьевичемъ Билевичемъ («посполь з малжонъкою своею») съ нѣсколькими господарскими боярами Росейнской волости, имѣетъ «печатей притисненныхъ две, кромѣ жадного подпису»¹⁾. Иногда вмѣсто имени подъ актомъ читаются лишь слова «рука власная» вмѣсто подписи имени, такъ что лишь печать, стоящая на документѣ, является именно скрѣпою послѣдняго²⁾. Первенствующее передъ подписью значеніе печати акты иногда отмѣчаютъ очень ясно. «А тотъ священникъ, ижъ печати свое не мель, тогды *место печати* руку свою подписалъ» — читается въ духовномъ завѣщаніи пана Василя Тишкевича, воеводы Смоленскаго, старосты Минскаго и Пинскаго³⁾.

Печать шляхтича занимаетъ свое мѣсто не только на документахъ гражданскихъ актовъ. Документы политической жизни великаго княжества Литовскаго утверждались печатями народа-шляхты. Постановленія сеймовъ, сеймиковъ и съѣздовъ времени безкоролевій должны скрѣпляться печатями ихъ участниковъ⁴⁾. Въ годы нормальнаго теченія жизни Литовско-Русской повѣтовые и главные сеймики выдаютъ свои документы за скрѣпою печатей сеймикующихъ. Инструкціи сеймовымъ посламъ⁵⁾, поста-

1) А. Вил. XXIV. № 195 (1568 г.).

2) Напр., на листѣ-приказаніи отъ Миколая Радивиля (воевода Виленскій, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, староста Мозырскій и Лидскій, державца Борисовскій) его служебнику Балцеру Раецкому «печат притиснена одна, а подпис руки тыми словы: *Ręka swą*». Дата этого листа: Вильна 29 марта 1590 года. Виленскій Центральный Архивъ № 13878. Вилькомирскаго Гродскаго суда № 1. Л. 400.

3) А. Вил. XXII. № 629, стр. 392 (1570 г.). См. также *ibidem*, стр. 407.

4) Напр., *Volumina legum*. Tom II (Petersburg 1859) p. 139, 142, 146 и т. д.

5) Нпр., инструкция, данная сеймовымъ посламъ Виленскаго сеймика (ея дата: Вильна, 30 декабря 1594 года), имѣетъ «печатей притисненныхъ и подписовъ рукъ не мало». А. Вил. VIII. Стр. 337.

новленія сеймиковъ ¹⁾ и всѣ другіе акты и листы, выходящіе отъ собравшейся шляхты, имѣютъ шляхетскія печати ²⁾).

Печати вельможъ и должностныхъ лицъ требовали еще болѣе заботы объ охранѣ, чѣмъ печати простыхъ шляхтичей. Отъ «можнаго» пана зависѣла цѣлая толпа служившихъ ему людей. За своею печатью онъ посылаетъ имъ приказанія; своею печатью онъ скрѣпляетъ имъ пожалованія изъ обширныхъ земель и угодій, ему принадлежащихъ ³⁾. Печать должностного лица фигурируетъ на документахъ, исходящихъ отъ него не только какъ отъ частнаго человѣка, но и какъ отъ носителя власти по его уряду. Такъ, повѣтовою печатью земскій судъ можетъ скрѣплять только позвы, и всѣ остальные листы, выписи и «сказанья» должны быть «печатованы» печатями судьи и подсудка ⁴⁾. Воевода подъ своею печатью выдаетъ свои распоряженія по воеводству ⁵⁾, болѣе мелкіе представители областной администраціи также пользуются своими печатями въ официальныхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ по должности ⁶⁾.

При существованіи обычая снабжать гражданскіе акты печатями ихъ свидѣтелей, печати должностныхъ лицъ встрѣчаются

1) Нпр., постановленіе Виленскаго главнаго сеймика отъ 7 августа 1593 года его участники подписали своими «гѣкомашту» и «ріесзѣсмі» своими «заріесзѣtowali». А. Вил. VIII. Стр. 330. Ср. постановленія Волынской шляхты 1574 и 1589 годовъ. Арх. Ю.-З. Р. Часть II. Томъ I. Стр. 30 и 34.

2) Нпр., листъ шляхты Берестейскаго повѣта съ трикрольскихъ земскихъ роковъ 1598 года имѣетъ кромѣ подписей «печатей розныхъ гербовъ притисненыхъ тридцатъ». Вил. Центр. Архивъ. № 13880. Вилькомирскаго Гродскаго Суда № 3. Л. 110.

3) Нпр., Ист.-Юр. Мат. XXI. Стр. 434—436 (1562 г.) Ср. также пожалованіе земли княземъ Слуцкимъ—А. Вил. XXIV. № 49 (1530 г.). О слугахъ пановъ и управленіи панскими имѣніями см. *И. И. Ланно*. Великое Княжество Литовское. Т. I. Стр. 453 и сл.

4) II Статутъ IV, 10. III Статутъ IV, 12.

5) Ж. М. Н. Пр. 1897. № 6. Стр. 273, примѣчаніе 4.

6) Такъ, тивунъ Тверской (въ землѣ Жомойтской) Андрей Илковскій «з ураду тивунства своего запечаталъ» въ 1566 году «всю маетьность» умершихъ бояръ Войтеха Дарскалайтиса и Павла Павилайтиса. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 62, 62 об.

и на различныхъ записяхъ, завѣщаніяхъ и другихъ документахъ, не исходящихъ отъ ихъ уряда¹⁾. — свидѣтельство урядника, конечно, представлялось совершителю акта особенно авторитетнымъ. Чрезвычайно крупное значеніе имѣли печати пановъ-радъ, утверждавшія документы первостепенной государственной важности²⁾. Вполнѣ естественной, поэтому, была забота о сохранности печати вельможи и урядника, предупреждающая злоупотребленіе ею «злочинцами». Объ уtratѣ своей печати вельможа и урядникъ еще болѣе, чѣмъ рядовой шляхтичъ, не замедлять довести до свѣдѣнія уряда³⁾. Въ то время какъ печати рядовыхъ шляхтичей, послѣ смерти послѣднихъ, остаются въ рукахъ ихъ наслѣдниковъ и даже фигурируютъ на актахъ, ими совершаемыхъ⁴⁾, печать вельможи подлежитъ уничтоженію по смерти владѣльца.

1) Такъ, Слонимскій мѣщанинъ Демешко Остаповичъ, записавъ своей женѣ «половицу» своего дома въ Слонимскомъ мѣстѣ, «для лепшое твердости и сведочья» просилъ «о приложенъе печатей врьдниковъ господарскихъ», а именно земскаго Слонимскаго писаря (пана Богуща Тушевицкаго), Слонимскаго подстаросту (Офанаса Гаврыловича) и Слонимскаго господарскаго войта (Андрея Огурцовича), и они «печати свои до сего листу» его «приложили». Дата документа: Слонимъ, 1577 г. 15 августа. Виленскій Центральный Архивъ. № 7864. Слон. гр. суда № 2. Л. 477.

2) Печати пановъ-радъ рядомъ съ государственною печатью на государственныхъ договорахъ см., нпр., *І. Малиновскій*. Сборникъ Матеріаловъ, относящихся къ исторіи пановъ-рады Великаго Княжества Литовскаго. Томскъ. 1901. Стр. 482, 483. О значеніи печатей панскихъ для договоровъ уній Литвы и Польши см. *Teodor Narbutt*. Dzieje narodu Litewskiego. VIII, 1942, nota 1. Назначенія и распоряженія пановъ-радъ выходятъ «под печатми и с подписом рукъ их милости». Ср. Лит. Метр. $\frac{I. A}{61}$ л. 17 (распоряженіе послѣ бѣгства короля Генриха во Францію).

3) Нпр., 27 февраля 1569 года староста Луцкій, Браславскій и Веницкій князь Богущъ Федоровичъ Корецкій, «прышедшы до книгъ его королевское милости», заявилъ о пропажѣ его печати и сдѣлалъ это, «забегаючи онъ тому в часъ, абы згиненъе оное печати наперед ему не шкодило». Лит. Метр. $\frac{II A}{51}$ л. 170, 170 об. («Оповеданъе старосты Луцъкого князя Корецкого о згиненъе печати»).

4) Нпр., сыновья господарскаго дворянина (Андрея Скипора) Григорій и Августынъ Андреевичи Скипоровы скрѣпили документъ своего обязательства своему зятю (пану Василью Сопотьку) печатью своего покойнаго отца. Дата документа: Городно, 19 октября 1556 года. А. Вил. XXI № 290.

Одинъ документъ 1584 года говоритъ: «есть звычайъ давний, же по смерти людей зацныхъ печати ихъ, которыхъ они за живота своего уживаютъ, при погребехъ збиты бывають»¹⁾. Но иногда такія печати отдавались и въ Литовскую королевскую канцелярію. Такъ, когда умеръ каштелянъ Смоленскій, староста Дисенскій Юрій Зеновичъ, нѣкоторые его пріятели «печати его, которыхъ онъ за живота своего не толко во власныхъ делахъ и потребахъ своихъ, але тежъ въ делахъ его кор. милости и речи посполитое уживалъ, збити хотели». Однако сынъ покойнаго, староста Чечерскій и Пропойскій панъ Криштофъ Зеновичъ не допустилъ этого сдѣлать «для некоторыхъ причинъ слушныхъ». Но эти печати имѣють значеніе для государя и государства²⁾, и о предупрежденіи злоупотребленія ими необходимо позаботиться. Поэтому «скоро дей по сконанью» Юрія Зеновича онѣ были отданы въ Литовскую королевскую канцелярію, «до рукъ» канцлера, въ присутствіи пана Криштофа Зеновича, запечатанными печатями нѣкоторыхъ «пріятелей его милости»³⁾. Эта передача печатей внесена была въ канцелярейскія книги. Если такъ много заботы прилагалось къ дѣлу охраны печатей частныхъ лицъ, то ясно, какъ тщательно должна была охраняться государственная печать, которая находилась въ завѣдываніи «печатарскаго уряда», представляемаго канцлеромъ и подканцлеромъ. Ею скрѣплялся каждый имѣющій сколько-нибудь важное значеніе документъ, выходившій изъ Литовской канцеляріи, и безъ нея послѣдній не имѣлъ силы. Въ эпоху, наступившую послѣ Люблинской Уніи, государственная печать Литовская получила новое значеніе — она явилась символомъ самостоятельнаго политическаго значенія

1) Лит. Метр. $\frac{I A}{68}$ л. 300, 300 об. Заглавіе документа: «Отдане до канцеляреи его кр. милости печати пана Юря Зеновича, каштеляна Смоленскаго».

2) «На которыхъ же его кор. милости и речи посполитой належыт».

3) «Меновите через пана Миколая Зеновича, сыновца небощыка пана Смоленскаго, ротмистра его королевское милости Яна Здравца, а земянъ господарскихъ Адама Рымъшу а Миколая Богушевича».

Княжества въ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой¹⁾. Понятно, поэтому, значеніе въ глазахъ современниковъ дѣла о похищеніи Литовской государственной печати, возникшее въ 1581 году. Къ изложенію этого дѣла теперь и переходимъ²⁾.

Въ 1581 году король Стефанъ, продолжая войну съ Москвою, остановился въ Полоцкѣ. Въ королевскомъ станѣ въ ночь на 18 іюля случилось событіе, которое вызвало много толковъ своею неожиданностью и странностью. У Литовскаго канцлера Евстафія Воловича была украдена государственная печать великаго княжества Литовскаго. Дѣло было такъ. Канцлеръ заснулъ въ наметѣ, приказавъ его открыть на ночь, чтобы было прохладнѣе спать. Стража заснула также. Этимъ воспользовался злоумышленникъ, который, пробравшись въ наметъ, совершилъ свое преступленіе. Дѣло представлялось въ высшей степени страннымъ въ виду подробностей обстоятельствъ совершенія преступленія. Въ самомъ дѣлѣ, печать хранилась въ желѣзномъ сундучкѣ, въ которомъ вмѣстѣ съ нею лежали подъ замкомъ нѣсколько монетъ-португаловъ и клейноты; сундучокъ былъ прикрѣпленъ желѣзною цѣпью къ ножкѣ кровати. Подлѣ сундучка стояла другая шкатулка, а на ней серебряный умывальный приборъ. Воръ похитилъ лишь сундучокъ и шкатулку, оставивъ приборъ. Когда принялись искать, то нашли обѣ похищенные вещи надъ берегомъ Двины въ такомъ видѣ — желѣзный сундучокъ лежалъ не разбитый, но верхняя крышка въ одномъ изъ угловъ его была надорвана и приподнята, такъ что можно было всунуть внутрь сундучка руку. Воръ оставилъ въ сундучкѣ все, въ немъ находившееся, вытащивъ лишь печать съ цѣпочкой. Отсюда, по разсказу современника, явилось подозрѣніе, что преступникъ и счи-

1) Когда сеймовые листы и инструкціи королевскимъ посламъ на повѣтовые сеймики 1571 года оказались съ сигнетовою, а не государственною Литовскою печатью, шляхта отказывалась сеймиковать. *И. И. Лаппо* Op. cit. Стр. 88.

2) Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главнымъ образомъ къ заключенію Запольскаго мира (1581—1582 г.) СПб. 1867. Стр. 29 и сл.

талъ для себя цѣнною только печать (skand suspitia est, že ten złodzieu na pieczenc telko wazeł).

Нечего и говорить, что похищеніемъ печати былъ чрезвычайно потрясенъ (turbatus) Литовскій канцлеръ Евстафій Воловичъ. Не могъ не гнѣваться и король. Но нужно было такъ или иначе дѣйствовать, чтобы во-время парализовать послѣдствія совершеннаго преступленія; нужно было предупредить возможность пользованія Литовскою государственною печатью въ преступныхъ цѣляхъ ея похитителемъ. Едва ли можно думать, что послѣдній имѣлъ въ виду воспользоваться ею для поддѣлки актовъ такого первостепеннаго значенія, какъ универсалы и документы обще-государственнаго значенія; но, что похититель могъ разсчитывать на возможность поддѣлки привилеевъ на имѣнія, а можетъ быть и на пенсіи (юргельты) и уряды¹⁾, едва ли можно было сомнѣваться. Необходимо было сколько возможно поспѣшнѣе захватить дѣло и предупредить появленіе такихъ привилеевъ. Были составлены по поводу происшедшаго универсалы²⁾, и въ книги королевской Литовской канцеляріи сдѣлана запись о пропажѣ государственной печати³⁾. Въ послѣдней значитъ, что 18 іюля текущаго 1581 года⁴⁾, въ ночь со среды на четвергъ, во

1) Примѣровъ неправильнаго захвата должностей сохранилось значительное число въ актахъ. См., напримѣръ, Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{55}$ л. 52 — 56 об. («Справа пана Миколая Кишки Техановского з Миколаем Кончою о неслухное одержане привилею на писарство земское Вилкомирское и о невписане до декрету доводов и справ его в справе с паны Остиками». Дата: Варшава 29 іюля 1570 года).

2) Латинскій текстъ универсала изданъ въ Приложеніяхъ къ Дневнику послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію (№ 53, стр. 277, 278). Но, конечно, не этотъ Латинскій текстъ, а Русскій былъ разосланъ по повѣтамъ великаго княжества Литовскаго. Этотъ послѣдній сохранился въ Литовской Метрикѣ — $\frac{\text{I A}}{67}$ л. 70 об. — 71 об.

3) «Записане до книг згинене печати вел. кз. Литв. и часу, коли другою печатовати почато». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{67}$ л. 70 об.

4) «В року нынешнимъ тисеча пятьсот осмъдесят первомъ месеца іюля осмнадцатого дня, в нocy з среды на четвергъ . . . »

время пребыванія короля подъ Полоцкомъ, «есть згинула» королевская печать великаго княжества Литовскаго; вмѣсто нея «учинена» новая печать, и послѣднею «почато печатовати» 10 сентября 1581 года въ 22 часу¹⁾.

Что касается до универсала²⁾, то онъ объявляетъ всѣмъ и каждому, что, «за прыпадкомъ в таковомъ великомъ собранью войска, якое тутъ есть, людей rozmaityхъ, придати се не дивно, украдена есть печатъ великаго князства Литовскаго велможному пану Остафью Воловичу, пану Виленьскому, канцлеру великаго князства Литовскаго, старосте Берестейскому и Кобрынскому». По словамъ универсала, печать пропала «прошлого нocy, то есть передъ днемъ осмнадцатымъ месеца июля, вторковымъ по недели девятой по семой суботе, в намете его властномъ з скрынкою железною». Король просить, чтобы каждый, какъ его подданный, такъ чужестранецъ, служащій королю или его подданнымъ, старался бы способствовать отысканію похищенной печати и поимкѣ преступника; за укрывательство же и содѣйствіе преступнику виновный будетъ строго наказанъ³⁾. Кромѣ того, универсалъ гла-

1) Въ Литвѣ и Польшѣ, какъ извѣстно, считали въ эту эпоху часы одинъ за другимъ не до 12-ти, а до 24-хъ. См. *Maurycjusz hr. Dzieduszycki. Dni, posy, godziny. We Lwowie 1874* (Przedruk z «Przeglądu Lwowskiego»). Ср. Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года. Соединеніе великаго княжества Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ. СПб. 1869. Стр. 466.

2) Его заглавіе: «Универсалъ до всихъ воецъ о згиненъе печати господарское у пана Остафья Воловича, пана Виленскаго, канцлера вел. кз. Литовскаго». Лит. Метр. $\frac{I}{67}$ л. 70 об.

3) «А ижъ немало намъ на томъ належить, абы злочынца, который то учинил, показал се и выявил, про то наминаемъ всихъ, такъ стану шляхетского, яко и иныхъ людей, такъ подданныхъ нашихъ, яко тежъ и обчого народу, которые намъ, albo и подданнымъ нашимъ на тотъ часъ служить, штобы кожды, помнечы на свою повинность, з веры своее противъ намъ, мели о томъ старане, ижъ где бы колвекъ могъ хто дойзрети, доведати се и переняти и што о ней услышать, абы безъ мешканя о томъ далъ знати до вѣраду, або самъ се о томъ старалъ, якобы печатъ тая и злочынца, при которомъ бы была, пойманъ с нею и отданъ бытъ могъ до вѣраду; в чомъ не вонтимъ, же кожды учинить хутливе, верне и с пилностью всякою; а мы, черезъ кого бы ся то показало, вдячне то приймемъ от него и ласкою нашою господарскою нагрожати будемъ. А хто бы тежъ, ведаючи того, змилчивалъ и тайлъ, а оказало бы се то потомъ на него, не ушолъ бы срокного караня».

ситъ, что вмѣсто украденной печати король распорядился изготовить новую, поступая такъ по примѣру Сигизмунда Августа, приказавшаго сдѣлать новую коронную печать, когда послѣдняя была украдена у подканцлера Филиппа Подневскаго¹⁾. Въ заключеніе универсалъ объявляетъ недѣйствительными всѣ документы со дня 18 іюля 1581 года, къ которымъ приложена украденная старая печать²⁾.

Таково содержаніе всего печальнаго дѣла, которое приключилось съ Литовскою государственною печатью въ 1581 году и которое вызвало столько толковъ въ станѣ Стефана Баторія и столько насмѣшекъ надъ Литовскимъ канцлеромъ.

Пересказавъ это дѣло, мы должны остановиться еще лишь на одномъ недоразумѣніи, которое создается его документами. При сравненіи содержанія универсала съ содержащемъ записи въ канцелярейскихъ книгахъ о пропажѣ государственной печати, бросается въ глаза противорѣчіе опредѣленія дня 18 іюля 1581 года: записью онъ обозначенъ какъ четвергъ, универсаломъ — какъ вторникъ. Едва ли нужно, однако, долго останавливаться на этомъ разногласіи. Что 18 іюля въ 1581 году пришлось во вторникъ, доказывается простымъ вычисленіемъ³⁾, подтверждающимъ приуроченіе 18-го іюля 1581 года универсаломъ къ этому

1) «То тежъ при том даемъ знати, же вжо на местце тое печати украденое даемъ инъшую рыти, заховуючысе в той мере прикладомъ предковъ своих, а меновите короля его милости светое памети Жыкгимонта Августа, которы, кгда печат коруны Польское велебному князю Филипови Падневскому, подканцлерому на тот час короньному, украдена была, далъ такъже на ее местцо иншую вырыти».

2) «А што бы колвекъ до кого под датою пришлою, от дня дисейшого починаючи, за давною оною печатю пришло, абы и местца то не мело и печат на то была пилная; естли бы тежъ мел хто речы свои под там тою печатю, з вонтпливостю якою абы озвати ся с тым не занежал». Документъ оканчивается такъ: «на што все для певнейшого веры рукою се нашою есмо подписали до того нашего листу. Писан на становиску нашом под Полоцкомъ лет. Бож. нароч. 1581 месеца іюля 18 дня. Подпис руки господарское».

3) Ср. *Н. Горбачевскій*. Археографическій Календарь на двѣ тысячи лѣтъ (325—2324) по Юліанскому счисленію и на семьсотъ сорокъ два года (1583 — 2324) по Григоріанскому счисленію. Вильна. 1869. Стр. 20.

дню недѣли. Не приходится думать вовсе о какой-нибудь болѣе или менѣе серьезной причинѣ этого разногласія — тутъ простой канцелярскій недосмотръ, одинъ изъ сравнительно немногихъ, но все-таки, къ сожалѣнію, встрѣчающихся въ Литовской Метрикѣ недосмотровъ и канцелярскихъ промаховъ.

Авторъ настоящей замѣтки рѣшился остановить вниманіе читателя на изложенномъ фактѣ похищенія Литовской государственной печати въ 1581 году, имѣя въ виду двѣ цѣли. Первая изъ нихъ — сообщить фактъ жизни Литовско-Русскаго великаго княжества, который, какъ и всякій другой, имѣетъ свой интересъ и свое значеніе для историка. Вторая — указать на твердое основаніе для отрицанія официальной подлинности документовъ, снабженныхъ Литовскою государственною печатью за время съ 18 іюля по 10 сентября 1581 года, когда эта печать не функционировала въ рукахъ правительства. Какъ извѣстно, число «фальшивыхъ» документовъ Литовско-Русскихъ, сохранныхъ отъ болѣе ранняго времени или сфабрикованныхъ сравнительно недавно, очень велико. И архивисты, и изслѣдователи уже давно отмѣтили это. Возможность очень простой и точной провѣрки официальной подлинности документовъ, хотя для небольшого періода времени, не можетъ не облегчить работы надъ актами великаго княжества Литовскаго.

И. Лаппо.